

СУДЬБА ВОЕННОПЛЕННЫХ И ДЕПОРТИРОВАННЫХ ГРАЖДАН СССР. МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

История репрессий, предпринятых партийно-государственным руководством СССР в отношении советских граждан – бывших военнопленных и угнанных в Германию жителей временно оккупированной территории Советского Союза, долгое время относилась к важнейшим государственным секретам.

Миллионы советских граждан, оказавшихся не по своей воле в немецком плену или на немецкой каторге, после освобождения были подвергнуты жестоким репрессиям. Неоднократные попытки разобраться в причинах, технологии и результатах этих репрессий наталкивались на ожесточенное сопротивление партийно-государственного руководства СССР, которое вплоть до августа 1991 г. запрещало публикацию страшных документов, свидетельствующих о том, как сталинское руководство истребляло советских военнослужащих, попавших в плен и окружение при защите Отечества.

В декабре 1994 г. Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий на своем заседании рассмотрела материалы, раскрывающие массовые репрессии в отношении бывших советских военнопленных и репатриантов. Эти материалы обобщены в публикуемой ниже справке, подготовленной сотрудниками комиссии на основе обстоятельного исследования комплекса документов, находившихся на секретном хранении в Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Центре хранения современной документации (ЦХСД), Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), Центральном архиве Министерства внутренних дел России (ЦА МВД России), Архиве Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (АГШ ВС РФ), Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ).

Таким образом, все эти документы были впервые обнародованы и введены в научный оборот.

По итогам рассмотрения материалов, характеризующих характер и масштаб незаконных репрессий миллионов советских граждан, председатель Комиссии А.Н. Яковлев обратился к президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину с предложением о восстановлении исторической справедливости в отношении бывших советских военнопленных и депортированных граждан, оказавшихся в годы войны в фашистской неволе. 24 января 1995 г. президент подписал Указ "О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатрированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период".

В.П. Наумов,
ответственный секретарь Комиссии
по реабилитации жертв политических репрессий

СПРАВКА КОМИССИИ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Точные и достоверные данные о военнопленных в 1941–1945 гг. отсутствуют. Германское командование в официальных данных указывает цифру в 5,27 млн. человек. По данным Генштаба Вооруженных Сил Российской Федерации, потери пленными составили 4 млн. 59 тыс. человек. Кстати, эту же цифру, полученную по немецким документам, называет и специальная комиссия генерала Вуда (США).

Почти 2 млн. советских военнослужащих (49% от общего числа военнопленных за все годы войны) попали в плен летом 1941 г.

Поражения Красной Армии летом 1942 г. привели к потере пленными еще 1 млн. 339 тыс. человек (33%).

В 1943 г. эти потери пленными составили 487 тыс. человек (12%),

в 1944 г. – 203 тыс. человек (5%),

в 1945 г. – 40,6 тыс. человек (1%).

Кроме захваченных в плен, сотни тысяч советских военнослужащих остались на территории, временно оккупированной врагом. Часть этих людей – "окруженцев" – укрылась у местного населения, часть вошла в состав партизанских отрядов и разделила их судьбу.

Некоторые оказались в вооруженных группах Украинской повстанческой армии (УНА) и Армии Крайовой (АК). Часть "окруженцев" использовалась оккупационными властями для формирования охранных отрядов – "полиции порядка".

Имеются многочисленные доказательства – от журналов боевых действий немецких частей и соединений и до показаний советских военнослужащих, допрошенных в разное время Особыми отделами НКВД и органами контрразведки НКО СССР "СМЕРШ", – о том, что большинство бойцов и командиров Красной Армии, несмотря на крайне сложную, порой безнадежную боевую обстановку, оказывали ожесточенное сопротивление германским войскам и попадали в плен, будучи ранеными, больными, лишенными продовольствия, боеприпасов, командиров.

Из 38 пересыльных лагерей для военнопленных, "дулагов", действовавших в зоне немецкой группы армий "Центр", лишь два – на 200–400 человек каждый – были предназначены для перебежчиков. Вместимость же остальных 36 "дулагов" составляла в среднем 1500 человек.

Это позволяет оценить процентное соотношение перебежчиков, захваченных в плен в первый год войны, как не превышающее 1,4–1,5%. В дальнейшем этот показатель стал еще меньше.

1. СТАЛИН: В КРАСНОЙ АРМИИ НЕТ ВОЕННОПЛЕННЫХ. ЕСТЬ ТОЛЬКО ПРЕДАТЕЛИ И ИЗМЕННИКИ РОДИНЫ

Сначала о том, что было во время войны.

Отношение советского руководства к военнослужащим Красной Армии, оказавшимся в плену, определилось еще в 1940 г.

После окончания советско-финской войны финская сторона передала советским военным властям 5,5 тыс. военнослужащих, попавших в плен. Все они были направлены в спецлагерь, созданный в поселке Южа Ивановской области. Лагерь, обнесенный колючей проволокой, охранялся конвойными войсками НКВД. Заключенные в нем были лишены права переписки, свидания с родными и близкими. Место пребывания держалось в строгом секрете. Проверка длилась почти год. Значительная часть была осуждена. Оставшиеся весной 1941 г. были вывезены на Север. Дальнейшая их судьба неизвестна.

С самого начала Отечественной войны под подозрение попали все военнослужащие и гражданские лица, оказавшиеся даже на непродолжительное время за линией фронта. Во всех кадровых анкетах появился вопрос: "Были ли Вы или Ваши родственники на оккупированной территории?".

В измене и предательстве Родины подозревались бойцы и командиры, которые, рискуя жизнью, в тяжелейших условиях пробивались с боями на соединение с Красной Армией. Одиночек и небольшие группы окруженцев встречали как вполне вероятных изменников Родины. Каждый перешедший линию фронта проходил и фильтрацию, которая осуществлялась Особыми отделами НКВД.

Статьи Уголовного кодекса, касающиеся военных преступлений, носили ярко выраженный обвинительный характер. Военнослужащих, пробравшихся в одиночку или малыми группами на соединение с частями Красной Армии, судили по статьям 193-7, 193-8, 193-9 Уголовного кодекса РСФСР, т.е. как за самовольное оставление части или места службы, за побег из части, за самовольное оставление части в боевой обстановке.

Большая часть офицеров, вышедшая из окружения, была осуждена военными трибуналами по статье 193-21 за "самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, в целях способствования неприятелю".

Расширялась практика заочного осуждения военнослужащих, находившихся за линией фронта, как изменников Родины. Достаточным основанием для такого решения были полученные оперативным путем сведения об их якобы антисоветской деятельности. Вердикт выносился без всякой проверки, иногда лишь по одному заявлению.

Наиболее чудовищным преступлением был изданный 28 июня 1941 г. совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР. Он предусматривал привлечение к ответственности членов семей заочно осужденного изменника Родины либо через Военные трибуналы, либо через Особые совещания при НКВД СССР. В этот же день НКГБ и НКВД специальным документом уточнили порядок ссылки в отдаленные районы членов "семей изменников Родины".

Принятое 16 июля 1941 г. постановление ГКО и последовавший за тем 16 августа 1941 г. приказ Наркома обороны Сталина № 270 ужесточали репрессии, санкционировали внесудебные расправы. Принятые в развитие этих документов инструкции НКГБ и НКВД предоставляли право карательным органам привлекать к уголовной ответственности совершеннолетних членов семьи военнопленных, их ареста и ссылки в отдаленные местности СССР.

Вышедшие из окружения военнослужащие и пересекшие линию фронта военнопобитые из числа гражданского населения после фильтрации направлялись в основном на пополнение тыловых частей, в частности трудовых армий (общей численностью до 300 тыс. человек). Эти армии строили военнопromышленные объекты, в частности Челябинский металлургический комбинат, Куйбышевский авиационный завод и др. По свидетельству командующего одной из таких армий, генерала армии А.А. Комаровского, режим содержания мало чем отличался от режима содержания заключенных исправительно-трудовых лагерей.

27 декабря 1941 г. издано постановление ГКО, которое предусматривало: в целях выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника, изменников Родины, шпионов и диверсантов создавать в пределах армейского тыла сборно-пересыльные пункты, куда направлять обнаруженных при освобождении городов, сел и иных местностей бывших военнослужащих Красной Армии.

Это постановление официально провозглашало новую линию в отношении бойцов и командиров, оказавшихся в плену или в окружении.

Они именовались теперь как "бывшие военнослужащие Красной Армии", следовательно ставились вне рядов Красной Армии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Для проверки "бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника", создается сеть специальных лагерей. В 1942 г. кроме существовавшего ранее Южского спецлагеря было создано еще 22 лагеря в Вологодской, Тамбовской, Рязанской, Курской, Воронежской и других областях. Они "обслуживали" различные участки советско-германского фронта.

13 января 1942 г. Нарком внутренних дел СССР Л. Берия утвердил "Временную инструкцию о порядке содержания в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника".

Согласно этой инструкции, организация спецлагерей была возложена на Управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР). Иными словами, военнослужащие Красной Армии, побывавшие в плену или окружении, рассматривались партийно-государственным руководством как пленные солдаты вражеской армии.

Практически эти спецлагеря представляли собой военные тюрьмы строгого режима, причем для заключенных, которые в подавляющем большинстве не совершили каких-либо преступлений.

Большие потери, понесенные Красной Армией в 1941–1942 гг., заставили несколько скорректировать репрессивную политику режима. В январе 1943 г. командующим фронтами было предоставлено право использовать часть "бывших военнослужащих Красной Армии" после их надлежащей фильтрации в армейских и фронтовых сборно-пересыльных пунктах для пополнения действующей армии.

Вместе с этим карательным органам предписывалось не ограничиваться только поиском изменников, шпионов и диверсантов, но выявлять новую категорию, подлежащую репрессиям, – "сомнительных лиц".

Это позволило подвергнуть судебным и внесудебным репрессиям не только бывших военнопленных и "окруженцев", но и гражданское население освобождаемых территорий. На этих территориях создаются новые спецлагеря – в Ростовской области, Краснодарском крае, Воронежской области, на Северном Кавказе.

Характер репрессий остается прежним. Свидетельств тысячи.

Полковник И.А. Ласкин в августе 1941 г., выходя из окружения под Уманью, был задержан вместе с двумя офицерами и опрошен немецким унтер-офицером. Через несколько часов им удалось бежать. Ласкин вместе со своими спутниками присоединился к одной из частей Красной Армии. Зная о работе особых отделов, они по дороге договорились скрыть факт задержания.

В 1943 г. уже генерал-лейтенант И.А. Ласкин принимал в Сталинграде капитуляцию фельдмаршала Паулюса. Он был награжден многими советскими орденами, а также американским крестом "За боевые заслуги". Весной 1943 г. Ласкин был арестован.

Основываясь на сокрытии им факта задержания немцами, его обвинили в измене Родине и шпионаже. Почти 9 лет длилось следствие по его делу. Перерывы между допросами составляли до нескольких лет. В 1952 г. его приговорили к 15 годам исправительно-трудовых работ.

В феврале 1942 г. батальонный комиссар С.В. Гершман (59-я армия Северо-Западного фронта), проезжая вместе с группой офицеров вблизи линии фронта, неожиданно столкнулся с отрядом немецких автоматчиков. После короткого боя 3-х человек, оставшихся в живых, немцы взяли в плен. Спустя 3 дня Гершману и его товарищам удалось бежать. Когда он вышел в район расположения советских войск, то был немедленно арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

В январе 1943 г. молодой красноармеец Г.Т. Дьяков уснул на привале, отстал от своего подразделения и случайно попал к немцам. Через несколько дней Дьяков бежал и прибыл в свою часть. Спустя две недели Военный трибунал 33-й гвардейской стрелковой дивизии осудил Дьякова к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Дьяков обвинялся в измене Родине, шпионаже.

Жестокое, бесчеловечное отношение к военнопленным сохранялось и многие годы после Победы.

II. СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Советские военнослужащие, попавшие в плен, сначала содержались либо в фронтовой зоне, либо в "дулагах", расположенных в оперативном тылу немецких войск. Оттуда их перемещали в стационарные лагеря для военнопленных – "шталагги", а командный состав – в офицерские лагеря – "офлагги".

Фронтовые лагеря и "дулагги" размещались в сельскохозяйственных постройках, складских помещениях, но чаще всего – на открытом пространстве – в оврагах, карьерах, низинах.

Полуголодное существование, нечеловеческие условия в лагерях для советских военнопленных приводили к эпидемиям брюшного, сыпного тифа, желудочно-кишечных и других заболеваний. Широкое распространение получила необратимая дистрофия.

Такое отношение диктовалось общей политикой Гитлера – уничтожить как можно больше людей.

Достоверных сведений о числе погибших в плену нет. По разным источникам оно составляет от 1,23 до 2 млн. человек.

Одновременно с главной линией на уничтожение гитлеровцы вели активную работу по привлечению советских граждан в немецкие вооруженные силы. Из числа военнопленных, главным образом уроженцев Прибалтики и Западной Украины, формировались подразделения, предназначенные для несения караульно-конвойной службы в лагерях для военнопленных. Осенью 1941 г. в тылах немецкой армии начались формирование полицейских команд, "казачьих" рот и эскадронов с целью охраны порядка и несения караульной службы на оккупированной территории. Летом 1942 г. Генеральный штаб сухопутных войск подготовил директиву об организации "тюркских" и казачьих полевых частей и подразделений. Еще раньше, в ноябре 1941 г., были выпущены директивы, регламентирующие формирование строительных батальонов и транспортных батальонов снабжения из числа советских граждан, в том числе и военнопленных.

В 1943–1945 гг. немецкое командование сформировало крупные "добровольческие" соединения: 15-й "казачий" корпус, "Вооруженные силы Комитета освобождения народов России (КОНР)", 162-ю "тюркскую" дивизию, 599-ю "русскую" бригаду, "Казачий стан" Даманова. Кроме того, из советских граждан были сформированы: 14-я дивизия СС "Галичина", 15-я и 16-я "латышские" дивизии СС, 20-я "эстонская" дивизия СС, 30-я "белорусская" дивизия СС. Частично советские граждане направлялись на комплектование 36-й дивизии СС "Диревангер", охранявшей концлагеря и выполнявшей карательные акции. Существовали также специальные калмыцкие и крымско-татарские формирования.

В итоге численность вооруженных строевых формирований, созданных немецким командованием из советских граждан, составляла примерно 250 тыс. за все время войны.

В боевых действиях с регулярными частями Красной Армии, Югославской народно-освободительной армией и экспедиционным корпусом союзников в разное время принимали участие 14-я дивизия СС, 15-й "казачий" корпус, прибалтийские дивизии СС и примерно треть "тюркских" формирований.

В подавляющем большинстве строевые части несли охранную, караульную и этапно-заградительную службу в немецком оперативном тылу, а также привлекались для проведения карательных акций против партизан и мирного населения.

Кроме вооруженных строевых формирований, немецким командованием были созданы и нестроевые части – до 40 транспортных, строительных, дорожных, обозных батальонов и рот общей численностью до 30 тыс. человек.

С учетом этого общая численность советских граждан, служивших в полиции, в вооруженных силах Германии не превышала 280–300 тыс. человек. Судя по показателю

ниям немецких военнослужащих, имевших отношение к созданию и использованию этих формирований, доля советских военнопленных в них составляла около 60%, остальные – местные жители и эмигранты.

Таким образом, можно утверждать, что на службу в вооруженные силы Германии пошло примерно 165–170 тыс. военнослужащих Красной Армии, или от 4,0 до 4,2% от общего числа попавших в плен.

Следует заметить, что в каждом "восточном" батальоне, независимо от его национальной принадлежности, существовал так называемый "немецкий кадр" в количестве не менее 30 человек, обеспечивающий боеспособность батальона. В составе 15-го "казачьего" корпуса из 18 тыс. человек личного состава 5 тыс. человек были немецкими военнослужащими: каждый третий "казак" был немцем. В составе 162-й "тюркской" пехотной дивизии из 11 тыс. человек личного состава 5 тыс. человек также были немецкими военнослужащими: каждый второй "туркестанец" был немцем.

Но как бы то ни было лица, служившие в этих формированиях, принимали участие в различных страшных акциях на стороне фашистских войск. Они участвовали в боях против партизан и Красной Армии, против войск союзников по антигитлеровской коалиции, против участников Сопротивления, охраняли немецкие коммуникации и лагеря смерти, уничтожали мирное население в партизанских районах и еврейских гетто.

Начиная с 1943 г. немецкое командование формирует невооруженные "рабочие батальоны", рабочие команды.

Как правило, рабочие команды направлялись на работу в оборонную промышленность и сельское хозяйство Германии.

В подавляющем большинстве случаев рабочие команды содержались под охраной и выводились на работу под конвоем. Очень часто такие команды жили на территории промышленных предприятий в специально организованных зонах, огороженных колючей проволокой.

Немецкие власти широко использовали рабочие команды на погрузочно-разгрузочных работах в портах и на железнодорожных станциях, на восстановительных работах, на различных тяжелых работах на предприятиях угольной и горнорудной промышленности, в черной и цветной металлургии.

Таким образом, советские военнопленные в своем подавляющем большинстве использовали, вопреки положениям Гаагской конвенции, на принудительных работах в интересах повышения экономического и военного потенциала Германии.

С осени 1941 г. началась депортация в Германию мирного населения из оккупированных областей Советского Союза.

По неполным данным, всего за годы войны было депортировано 4 млн. 829 тыс. человек из числа гражданского населения. После войны в Советский Союз было репатрировано 3 млн. 582 тыс. человек. В неволе погибло не менее 23,2% от общего числа депортированных мирных граждан. Советских военнопленных погибло не менее 31% от общего числа попавших в плен.

Понятие "депортированные лица" включало в себя всех бывших советских граждан, которые во время войны оказались в Германии или других странах Центральной и Западной Европы.

Самая большая группа была в принудительном порядке вывезена в Германию. В ряде случаев это было мерой наказания германскими властями гражданского населения, подозреваемого в сопротивлении немецкой армии, – саботаж, поддержка партизан и пр. Немалая группа выехала в Германию, надеясь найти работу.

Значительную часть из них составляли либо советские граждане немецкой национальности, либо принявшие во время оккупации германское подданство, либо получившие статус "фольксдойч" – этнических немцев. Численность этой категории составляла около 205 тыс. человек.

И, наконец, выезжали целые семьи, которые опасались, и не без оснований, преследований за сотрудничество с оккупационными властями, за работу в органах самоуправления, созданных немцами. Часть населения бывших казачьих районов

Ростовской, Сталинградской областей, Краснодарского и Ставропольского краев – до 30 тыс. человек – ушла вместе с немецкими войсками. Они покинули родные места либо потому, что боялись расправы за сотрудничество с оккупантами, либо памятуя о расправах, творившихся в этих районах после октябрьского переворота 1917 г. – особенно в годы гражданской войны, во времена коллективизации и "большого террора".

Репрессии советских властей в отношении гражданского населения на территориях, освобожденных от врага, начались в июне 1942 г. Кроме того, в письме Л. Берия от 18 июня 1942 г., адресованном в ГКО Сталину, указывалось, что органами НКВД произведен учет семей тех лиц, которые осуждены за шпионаж, предательство и содействие немецким оккупантам, за службу в карательных и административных органах немецких оккупантов, а также лиц, добровольно ушедших с немцами. Всего, указывал Берия, выявлено 10 тыс. 298 таких семей – 37 тыс. 350 человек. Сообщив Сталину, что "по смыслу существующих законоположений и правительственных распоряжений эти семьи к ответственности не привлекаются", Берия предложил тем не менее подвергать аресту и ссылке в отдаленные местности СССР сроком на пять лет семьи лиц, добровольно ушедших с оккупационными войсками и осужденных за сотрудничество с оккупантами.

Чем дальше шла на запад Красная Армия, тем выше поднималась волна репрессий в отношении гражданского населения. 16 августа 1943 г. Берия обратился в ГКО с предложением выселить в Казахстан и Сибирь семьи пособников оккупантов, дезертиров и их укрывателей, причем вместе с их семьями. Выселению подлежали не только отдельные семьи, но и население целых районов Чечено-Ингушской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Карачаевской и Адыгейской автономных областей и Калмыцкой АССР.

В дальнейшем было принято решение выселить целиком народы этих республик и областей.

28 декабря 1943 г. Берия обратился к Сталину с предложением выселить из мест проживания на Украине этнических немцев – "фольксдойч", предать суду Военного Трибунала тех лиц, в отношении которых имеется достаточно оснований для доказательства их вины, а всех остальных сослать в Алтайский край, равно как и их семьи.

На письме Берия имеется резолюция Сталина: "Всех арестовать, посадить в спец. концлагеря под особый надзор и использовать для работы".

III. МАССОВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ И РЕПАТРИРОВАННЫХ ЛИЦ

Трагедия нарастала.

В 1944 г. резко увеличивается поток возвращающихся в Советский Союз военнопленных и репатрированных. Советским руководством перед НКВД, НКГБ и военной контрразведкой "СМЕРШ" была поставлена задача проверки каждого прибывающего. Речь шла уже не о десятках, а сотнях тысяч, миллионах граждан.

Летом 1944 г. была разработана, а затем введена новая система фильтрации и проверки органами государственной безопасности всех возвращающихся военнопленных и репатрированных лиц. При этом режим проверки и фильтрации резко ужесточается.

После выхода Красной Армии к государственной границе на пограничной линии создавалась сеть контрольно-пропускных пунктов, а в приграничной полосе на советской территории – сеть проверочно-фильтрационных пунктов (ПФП). Специальным постановлением устанавливалось, что питание лиц, содержащихся на ПФП, осуществлялось по нормам ГУЛАГА. Доставка граждан в проверочно-фильтрационные пункты осуществлялась под конвоем войск НКВД. Они же и охраняли эти пункты.

Были организованы проверочно-фильтрационные комиссии из трех человек: из представителя НКВД, НКГБ и "СМЕРШ" под руководством представителя НКВД.

Возрастающий поток репатриантов, расширение масштабов проверки и ее ужесточение вскоре потребовали организации проверочно-фильтрационных лагерей. Созда-

ется особый Отдел спецлагерей НКВД СССР. К лету 1945 г. действовало 43 спецлагеря, 26 проверочно-фильтрационных лагерей, дислоцированных на территории СССР, 74 проверочно-фильтрационных лагеря, 22 сборно-пересыльных пункта – на территории Германии и в странах Европы.

Часть этой работы была необходимой.

Многие военнопленные, находившиеся на службе в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, "власовцы" были задержаны в ходе боев или после капитуляции Германии. Довольно быстро были выделены командные кадры "власовской" армии, активные участники карательных операций немецких войск против мирных граждан, партизан, советской и союзнических армий.

Дела этих, наиболее активных участников и организаторов немецких военных формирований из числа советских военнопленных рассматривались, как правило, внесудебными органами – тройками, состоявшими из представителей НКВД, НКГБ и "СМЕРШ", Особым совещанием при НКВД. Они выносили приговоры о смертной казни, каторжных работах, длительных сроках заключения в тюрьме или лагерях ГУЛАГа.

Такая же судьба была и у сотрудничавших в той или иной степени с немецкими властями или подозреваемых в этом.

Рядовые, составляющие большую часть "власовцев", в административном порядке были направлены на спецпоселение сроком на шесть лет.

К особой группе проверяемых относились бывшие сельские старосты, служащие местного самоуправления. Как признавалось в директиве НКВД, в отношении этой группы лиц не было оснований для привлечения их к уголовной ответственности.

Это очень важное признание, так как по тем временам особых доказательств, собственно, и не требовалось. Тем не менее по той же директиве НКВД все эти люди привлекались к принудительному труду и передавались в постоянные кадры наркомата угольной промышленности в Кузнецкий, Донецкий и Кизеловский угольные бассейны. Органы НКВД каждого "освобождаемого" ставили на оперативный учет по месту его работы. Передача в постоянные кадры промышленности лишала права самостоятельно изменить место работы и место жительства. Содержание на оперативном учете фактически являлось формой лишения свободы. Направление к местам работы осуществлялось в специальных эшелонах под конвоем войск НКВД.

К концу июля 1945 г. во фронтовой зоне в Германии находилось около 1 млн. человек только одних граждан СССР и ожидалось поступление через линию разграничения советских и союзнических войск – не менее полутора миллионов. Бывшие военнопленные быстро отправлялись в глубь страны, гражданские часто доставлялись к государственной границе пешим порядком.

Весной и летом 1945 г. на проверочно-фильтрационных и сборно-пересыльных пунктах в Германии и других странах Европы скопилось большое количество репатриантов, в несколько раз превышающее пропускную способность этих пунктов. Возникла угроза эпидемий. Репатрианты были поставлены в исключительно тяжелое положение. Такая ситуация не менялась в течение многих месяцев, что обусловило высокую смертность.

В сентябре 1945 г. заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов передал генералу Голикову выдержки из писем репатриантов, содержащихся в сборно-пересыльном пункте города Лагсберг в Германии. Репатрианты писали домой:

"...Домой не отправляют, потому что перегружен транспорт. Собрали 20 тыс. в одном лагере и держат. Нам здесь очень плохо. Каждый день умирает много взрослых и детей" (02.08.45 Лященко В.С.);

"...Когда смотрю на маленьких, становится жаль таких крошек. Бедные. Каждый день умирают от проклятой дизентерии" (03.08.45 Борденко);

"...Я нахожусь на сборном пункте. Здесь очень много женщин беременных и с детьми. Люди сидят по пять месяцев и не отправляют, мучают и больше ничего. Хлеб

черный, сырой, суп – старая картошка, три раза в день и все. Умирают люди, и очень много детей умирает" (08.08.45 Дружбина Н.);

"...Кажется, никогда за время войны не приходилось так тяжело жить, как в настоящий момент. Когда мы работали на фабриках, то получали пищу получше. Мы уже не можем двигать ноги. Кормят плохо. Обращаются, как с собаками... Ходим, как мухи, обжевшиися червивым борщом, которого за все три года в Германии не видели... Люди не дорожат своей жизнью, многие уже покончили с собой. Каждый боец хочет иметь девушку, которой он не стоит, а о высшем начальстве и говорить нечего. Девушки не поддаются им и многие за это сидят в темных и холодных подвалах. Люди мрут, как мухи" (12.08.45 Островская Н.М.);

"...Живем очень плохо, питание ужасное, дают хлеба триста граммов в день, натуральное тесто, горячая пища три раза в день – полтора литра наполовину с червями, с сушеной брюквой и красной капустой. Сказать по правде, при немцах мы получали [питания] гораздо лучше и сытнее. Очень многие девушки лежат в больнице, при смерти от голода. Все девочки грязные ходят, скоро засядят вши. Очень многие покончили жизнь самоубийством. Поживу неделю и покончу жизнь свою, так как жизнью не дорожу. Прошу передать маме, что дочь умерла при освобождении русскими. Для чего буду жить, если каждый боец и офицер оскорбляет последним словом. Нас совершенно не считают за людей... Многие девушки падают в обморок в строю" (13.08.45 Гелах Н.).

Боясь расправы, многие репатрианты отказывались возвращаться в Советский Союз. Там, где это было возможно, советские власти осуществляли репатриацию в принудительном порядке, в том числе и тех граждан, которые не служили в немецких воинских формированиях.

23 апреля 1945 г. заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский направил Сталину письмо, в котором сообщал о том, что в Румынии 18 тыс. советских граждан отказываются вернуться в СССР. Вышинский предложил провести репатриацию принудительно.

В ноябре 1944 г. постановлением ГКО было определено, что все военнопленные Красной Армии, освобожденные из плена, направлялись в специальные запасные части военных округов, где проверка производилась органами контрразведки "СМЕРШ" НКВД. По режиму специальные запасные части ничем не отличались от проверочно-фильтрационных лагерей НКВД.

Ожесточенные сражения, развернувшиеся в 1944 г., большие потери Красной Армии, требовали все новых пополнений. Поэтому после проверки часть военнопленных направлялась в действующую армию.

После окончания войны оставшиеся в живых были взяты на учет для дальнейшей проверки, многие из них оказались в лагерях и спецпоселениях.

Новые решения высших органов власти, новые инструкции НКВД и НКГБ все более ужесточали репрессии в отношении военнопленных и гражданских лиц, репатриированных из Германии. Важной чертой этого ужесточения было использование проверяемых как прикрытия для привлечения их к принудительным работам.

Для этого в добавление к проверочно-фильтрационным пунктам создавались новые проверочно-фильтрационные лагеря. Они дислоцировались главным образом в европейской части страны. Заключение в них граждане, дожидавшиеся окончания проверки, привлекались к принудительному труду на опасных и тяжелых работах промышленных предприятий угольной и металлургической промышленности.

Еще в апреле 1943 г. был издан приказ НКВД СССР, регламентирующий трудовое использование "спецконтингента" на основе типовых договоров лагерей с хозяйственными организациями.

Направленные на проверку и фильтрацию содержались в зоне за колючей проволокой, не имели права выхода в город, права переписки с родными. Проверяемым, как и заключенным, планировалась определенная выработка в денежном выражении, а значительная часть заработка изымалась в доход государства.

Длительность проверки составляла от нескольких месяцев до нескольких лет.

Примером характера режима в этих лагерях, порядка и методов проверки и фильтрация может служить письмо, автор которого писал из лагеря № 48 города Шахты: "Здесь содержатся люди всех возрастов и национальностей. Все они или были в плену в Румынии, Германии, Финляндии, или проживали когда-то на оккупированной территории... Люди, заключенные в эти туберкулезные питомники, годами и месяцами ожидают решения своей судьбы, сидят в заключении без суда, да, пожалуй, и без следствия... Сидит, скажем, человек в лагере шесть месяцев, на седьмой вызывают на допрос. Допрос сняли, опять проходит полгода, вызывают снова, допрашивают. Когда же он начинает негодовать, то ему отвечают так: "Ваше дело сидеть и не рыпаться, проверим, там видно будет".

В особенности достается людям других национальностей. Здесь уже – виноват ты или нет – сиди и больше никаких вразговоров. Интересно снимают допрос: "Где попал в плен?" – ответ "Там-то"; "Как?" – ответ "Так-то". "Ты... почему сдался в плен, а не застрелился?" и т.д. "Сгною здесь в лагере" и т.д. Гноить еще не гноят, но уже близко к тому. Имеются случаи – вывозят белые гробы с надписью и все. И этому люди завидуют, а иные ехидно смеются: "Прошел госпроверку без волчьего билета, по чистой вышел".

Работают в шахтах, питаются когда-чем – и прогукшей капустой, и полугнилыми помидорами, а если поступают более приличные продукты, так они не попадают полностью по назначению, хотя весь почти насчитываемый заработок удерживается. Удерживают с хорошего рабочего, скажем, зарабатывающего 1.500 рублей... из них этому шахтеру на руки дадут 200 рублей в месяц. И на них он не имеет даже права купить молоко или что-либо из жиров с базара... В общем как дальше работать в шахте, абсолютно без жиров на таком скверном питании, не знаю. Люди живут впроголодь, оборванные, грязные, без белья, вшивые, в барачных помещениях, все щели в которых полны клопами и разными паразитами. Если кто-либо посмеет сказать что-либо, его моментально одергивают – это, мол, не в Германии или в Финляндии. В общем получается, что здесь можно на родной земле тоже творить чудеса, в смысле издевательства над людьми... Но те, кто, скажем, служил в неприятельской армии, о тех речь особая, но те, кто был в плену, пережил страшный плен, и они здесь маршируют – производство обеспечивают. Это не рабочий, а спецконтингент. Ослаб человек, не выполнил нормы – оставляется в шахте голодный на вторую смену, вторую не выполнил – на третью, и когда за три смены выполнит норму, тогда его провозжат чуть ли не под руки домой".

Копию этого письма генерал Голиков направил заместителю наркома внутренних дел СССР Чернышову. На письме имеется пометка одного из ответственных сотрудников Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации: "У меня много таких примеров".

Проверочно-фильтрационные лагеря размещались в районах крупных промышленных предприятий, угольных шахт, рудников,строек. Все заключенные проверочно-фильтрационных лагерей использовались на производстве. Там, где была особая потребность в рабочей силе, срок проверки затягивался на долгие годы. Например, лагерь в районе Печоры, Воркуты существовали до 1950 г., а проверочно-фильтрационный лагерь на химкомбинате в Ленинабаде – до 1953 г.

По практическому завершению репатриации на 1 декабря 1946 г. было зарегистрировано 1.833.567 военнопленных и 3.582.358 гражданских лиц, всего 5.415.925 человек. С точки зрения советского руководства эти 5 млн. надо было "вливать" в советское общество так "аккуратно", так осторожно, чтобы не вызвать нежелательных политических явлений. Совсем не случайно, что в приговорах и обвинительных заключениях присутствовала фраза: "Подвергался воздействию фашистской пропаганды". И этого было достаточно для изоляции человека от общества.

Совсем не случайно, что на особом учете находились те репатрианты, военнопленные и гражданские лица, которые находились в капиталистических странах или

были освобождены союзными войсками. Эти лица представляли особую опасность. Так гласят документы.

Огромный репрессивный аппарат советского государства был обращен на поиски шпионов, изменников Родины среди массы репатриантов.

Но даже в случаях, когда в результате проверки не было обнаружено никакого компрометирующего материала, а существовало лишь подозрение в "сомнительных связях", этого было достаточно для того, чтобы направить подозреваемого на дополнительную и длительную проверку в органы НКВД и НКГБ по месту жительства. Прибыв домой, не один раз "проверенный" должен был явиться в местные органы НКВД для регистрации, постановки на учет и получения временного вида на жительство.

Особое внимание обращалось на репатриантов, переданных союзниками. В них видели агентов иностранных разведок. Таких по состоянию на 1 декабря 1946 г. было 2.048.974 человека.

Из 5 млн. бывших военнопленных и репатриантов к концу 1945 г. было передано в спецлагеря НКВД более 600 тыс. человек, 1.230 тыс. было передано в Красную Армию, большая часть из них была направлена в специальные запасные части НКО.

Следует отметить, что многие понятия официальной статистики маскируют сугубо репрессивные мероприятия. Например, "передано в РККА" включает в себя и пополнение действующей армии, и передачу в состав "рабочих батальонов", и направление для проверки в специальные запасные воинские части, по характеру содержания и режиму работы полностью совпадающими с проверочно-фильтрационными лагерями НКВД.

В 1941–1945 гг. только военными трибуналами было осуждено 994.270 человек, из них к расстрелу – 157.593 человека.

Репрессивные акции против бывших военнопленных и репатриантов были продуманы и целенаправлены. С первых дней после освобождения, попадая в проверочно-фильтрационный пункт или лагерь, они оказывались в системе ГУЛАГа. Унижения, голод, болезни, антисанитарные условия показывали им, что они виновны, а степень их вины и меры наказания будут разбирать карательные органы. На их глазах почти каждого десятого отправляли либо в лагерь, либо на спецпоселение. После возвращения к постоянному месту жительства также следовали аресты и жесткие приговоры, беспрестанные вызовы в органы МГБ для выяснения каких-либо обстоятельств пребывания в плену или на работе в Германии.

Все это держало в напряжении вернувшихся домой, воспитывая в них страх. Их пытались сломить, морально раздавить, заставить молчать, жить в повиновении. Они боялись вспоминать о событиях войны, в результате которых оказались в плену или в немецкой неволе.

Другая цель – воздействовать на общественное мнение, воспитывая убеждение, что с теми, кто вернулся из плена или из немецкой неволи, "не все чисто". Аресты и осуждения бывших военнопленных, лиц, находившихся на территории Германии или на оккупированной территории, как бы подчеркивали, сколь надо быть бдительным к этим людям, как часто среди них встречаются вражеские агенты, изменники родины. Следовательно, враждебное отношение к ним власти, ограничение их в правах на выбор профессии, места жительства вполне обоснованы. Парадоксальным может показаться факт, что пункт в анкете по учету кадров, который должен был заполнять каждый советский гражданин о том, был ли в немецком плену или жил ли на оккупированной территории, существовал до 1992 г.

Наконец, в преследованиях военнопленных и репатрированных лиц была и еще одна сторона, связанная с необходимостью пополнения рабочей силой тех учреждений ГУЛАГа, которые не могли существовать без рабского труда.

Насколько же должна быть бесчеловечной система, которая вместо помощи и милосердия к миллионам сограждан – жертвам мигрующей войны, начала тотальный поиск изменников и шпионов.

IV. КОНЕЦ ВОЙНЫ: ЖЕСТОКАЯ РАСПРАВА С СОВЕТСКИМИ ГРАЖДАНАМИ, ПОПАВШИМИ В ПЛЕН И ДЕПОРТИРОВАННЫМИ В ГЕРМАНИЮ

Конец войны, победа не принесли облегчения тяжелой участи миллионам репатрированных советских граждан.

Непосредственно "разработкой" бывших военнопленных и репатриантов занимались контрразведывательные подразделения НКВД-НКГБ и армейская контрразведывательная служба - "СМЕРШ". Они были ориентированы на то, что именно среди бывших военнопленных и репатриантов следует искать врагов советского государства, агентов вражеских спецслужб.

Весной 1945 г. в системе НКВД был создан специальный отдел "Ф", который был призван координировать всю деятельность по проверке и фильтрации репатрируемых советских граждан и граждан союзных и нейтральных государств. В его состав вошли почти все оперативные сотрудники 4-го Управления, которое находилось под непосредственным руководством наркома внутренних дел Л. Берия. Во главе этого специального подразделения был поставлен генерал П. Судоплатов. Кроме отдела "Ф" в центральном аппарате НКВД были организованы периферийные отделы "Ф" при аппаратах уполномоченных НКВД СССР на фронтах, при группах войск.

4-е Управление в системе НКВД-НКГБ СССР было занято выполнением специальных заданий советского руководства разведывательного и диверсионно-террористического характера за рубежом (за линией фронта). Именно на это управление и была возложена задача координации проверки и фильтрации репатрируемых граждан Советского Союза и других государств.

Отдел "Ф" действовал в тот период, когда основная часть репатриантов была взята под контроль и находилась под охраной войск НКВД. Под руководством сотрудников отдела была осуществлена классификация репатриантов, дана оценка их деятельности в плену и, следовательно, определена судьба каждого и мера возможного наказания. Большое место в деятельности отдела "Ф" заняло выявление лиц, подозреваемых как агентов спецслужб Германии и союзников, а также в свою очередь вербовка агентуры из числа советских и иностранных репатриантов.

Отдел "Ф" был ликвидирован в августе 1945 г. после того, как были определены дальнейшие действия органов безопасности в отношении основной массы военнопленных и репатрированных лиц, а большая часть иностранных репатриантов покинула пределы Советского Союза и советскую зону оккупации в Германии.

В соответствии с объявленной 7 июля 1945 г. амнистией военнопленные рядового и сержантского состава демобилизуемых возрастов должны были возвратиться домой после соответствующей проверки. Однако во многих случаях в результате применения при специальной проверке незаконных провокационных методов следствия добывались фальсифицированные показания.

По результатам первой проверки, как гласит статистика, осуждено было более 10% из общего числа содержащихся в проверочно-фильтрационных лагерях и пунктах.

Многие военнопленные осуждались как изменники Родины за то, что они выполняли в плену обязанности врачей, санитаров, переводчиков, поваров, кладовщиков и различные работы, связанные с бытовым обслуживанием самих военнопленных.

Большая группа военнопленных была осуждена или получила сроки заключения по решению Особого совещания НКВД СССР на основании того, что они оказались по окончании войны в американских, английских, французских зонах оккупации Германии, а также в Англии. Компрометирующие материалы - клеветнические показания, часто сфальсифицированные следователями, были основанием для осуждения на значительные сроки лишения свободы и направления на спецпоселение.

В конце июля 1945 г. был издан приказ НКВД СССР "Об объявлении инструкции о порядке учета и регистрации репатрированных советских граждан".

Согласно этой инструкции все репатрианты, военнопленные и гражданские лица рассматривались как враги государства. Ограничивались районы постоянного прожи-

вания репатриантов, категорически запрещалось направлять их на жительство в Москву, Ленинград, Киев и населенные пункты, находящиеся в режимной зоне этих городов. В каждом районе создавалась проверочно-фильтрационная комиссия, которая осуществляла регистрацию и проверку каждого репатрианта в возрасте от 16 лет. Дети до 16 лет вписывались в дела своих родственников.

Вернувшимся к месту жительства репатриантам выдавалось специальное удостоверение вместо паспорта и запрещался выезд в другие районы и области. Все прибывшие репатрианты ставились на оперативный учет в органах НКВД.

При регистрации репатрианты подвергались дактилоскопированию. На оперативный учет ставился каждый репатриант даже при полном отсутствии на него компрометирующих материалов. В местные органы безопасности передавался материал для агентурной разработки и дальнейшего поиска на репатриированных компрометирующих данных. По материалам агентурной разработки следовал новый арест и передача [репатрианта] следственным органам.

Чаще всего дополнительным материалом оказывались показания бывших военнопленных или депортированных лиц, добытых следователями преступным путем: шантажом или насилием. Вместе с осужденным почти всегда репрессировались близкие родственники.

И.Я. Тряпицын, житель города Москвы, вспоминает, что после многих месяцев пребывания в проверочно-фильтрационном лагере большую группу бывших военнопленных погрузили в эшелон и направили в глубь страны. Все были рады, не смущало и присутствие конвоя, надеялись на скорое избавление по прибытии на родину. Однако «по мере движения по нашей территории радость угасала и сменилась тревожным ожиданием. Прибыли в район Муром, встретили, стыдно вспомнить, с автоматами и собаками. Все как там, только вместо окриков на немецком языке – русское "давай быстрее". Из огня, да в полымя. После допросов и "проверок" мало кто быстро вернулся домой. Мне все задавали вопрос: "Почему ты жив?"».

18 августа 1945 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление "О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена и репатриантов призывного возраста". По этому постановлению все военнопленные и гражданские репатрианты призывных возрастов, даже если на них не было никаких компрометирующих материалов, сводились в "рабочие батальоны НКВД" и в порядке наказания направлялись для постоянной работы на предприятиях в восточных районах страны и на Крайнем Севере.

В осуществлении репрессий практически не было различия в отношении к бывшим военнопленным, репатриантам и "власовцам". В письме Отдела спецлагерей НКВД СССР от 15 августа 1945 г., адресованном в Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, предписывалось направить в Норильский лагерь НКВД 3 тыс. "власовцев", выявленных в центральной группе войск, и 5 тыс. бывших военнопленных.

Для советского руководства и те, и другие представляли собой всего лишь "специконтингент".

У. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БЫВШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И РЕПАТРИИРОВАННЫХ ЛИЦ, ПОПРАНИЕ ИХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Для прошедших чистилище спецлагерей НКВД унижения и издевательства не кончались за воротами лагерных барачков. На каждого из прошедших спецпроверку были заведены досье, включавшие учетную карточку, фильтрационные документы с агентурными материалами, негласными допросами свидетелей и т.д. Все эти документы были направлены из фильтрационных лагерей в местные органы МГБ для оперативного использования, для дальнейшей "разработки" учетного контингента. Без санкции органов МГБ ни один стоящий на оперативном учете не имел права

покидать место жительства. За самовольный отъезд следовала строгая кара и немедленное возвращение на прежнее место жительства.

"Разработка" на языке карательных органов означала поиск компрометирующих материалов на лиц, побывавших в плену или на работе в Германии. Целые службы этих органов были заняты такой работой. Из центра следовали указания о ее активизации. Местные органы, исполняя эти директивы, пускали в ход все методы, в том числе и недозволённые, для поиска компрометирующего материала. Не прекращающаяся оперативная "разработка" МГБ бывших военнопленных влекла за собой новые аресты, пополнение ГУЛАГа новыми узниками.

Долгие годы после окончания войны бывшие военнопленные и гражданские репатрианты оставались париями советского общества. В полной мере они испытали на себе, на членах своей семьи ограничения в праве на профессию, на получение образования, на общественную деятельность, на выбор рода занятий, места жительства и передвижения. Режим отчуждал их от общества, закрывал дорогу в будущее.

Преследование военнопленных и репатрированных лиц не ограничилось первыми послевоенными репрессиями.

7 февраля 1948 г. министры госбезопасности В. Абакумов и внутренних дел С. Круглов обратились в ЦК ВКП(б) к Сталину с разработанным по его указанию проектом постановления ЦК ВКП(б) о передаче из МВД в МГБ СССР всей работы по административно-сылным и высланным за вражескую деятельность и антисоветские связи. В этом письме указывалось на необходимость усиления Министерством государственной безопасности агентурного наблюдения и гласного надзора засылными и высланными, расширения и углубления оперативной работы по выявлению среди спецпоселенцев вражеских элементов.

Это было прямое поручение на усиление репрессий среди спецпоселенцев, общая численность которых достигала 2 млн. человек. Среди них было немало и бывших военнопленных и репатрированных лиц.

10 февраля 1948 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по инициативе Н.С. Хрущева было принято решение о создании комиссии в составе: Берии (созыв), Хрущева, Суслова, Кузнецова, Абакумова, Круглова, Горшенниа, Сафонова для разработки вопросов о переселенцах, административно высланных исылных, об организации специальных тюрем и лагерей для особо опасных преступников, а также о высылке из Украины вредных элементов, находящихся в деревне.

21 февраля 1948 г. был принят пакет документов, обуславливающих усиление репрессий в отношении отбывающих наказание и освобождаемых из заключения особо опасных преступников. В их число, помимо террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, националистов и других, была добавлена и еще одна группа лиц, в отношении которых предлагалось ужесточить репрессии — лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности. Эта формула являлась универсальной и позволяла применить репрессии к очень широкому кругу лиц, в том числе и к бывшим советским репатриантам, военнопленным и гражданским лицам, которые, как уже отмечалось выше, были поставлены поголовно на оперативный учет именно по подозрению в антисоветских связях и вражеской деятельности.

В состав указанного пакета входил не подлежащий публикации Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. за № 128/11 "О направлении особо опасных государственных преступников по отбытию наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР".

Этим постановлением МГБ обязывалось направить в ссылку государственных преступников, освобождаемых по отбытию наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной войны. Иными словами, люди, уже отбывшие наказание, репрессировались повторно по решению Особого совещания при МГБ СССР.

Постановление Совета министров предписывало организовать в районах Колымы, Норильска, в Коми АССР, в районах Караганды и в Темниках Мордовской АССР

особые лагеря общей численностью на 100 тыс. человек. А в городах Владимире, Александровске и Верхнеуральске – особые тюрьмы на 5 тыс. человек. Все отбывшие наказание в особых лагерях и тюрьмах по истечении срока наказания отправлялись в ссылку решением Особого совещания при МГБ СССР.

По своему смыслу этот пакет документов, принятых 21 февраля 1948 г., как и последующие ведомственные документы, был направлен на прямое уничтожение или, как минимум, на полную изоляцию людей, входящих в состав упомянутого выше контингента. Эти документы открывали органам МГБ и на местах возможность осуществления неоправданных репрессий в адрес бывших советских репатриантов, находившихся в МГБ на оперативном учете как "подозрительные по своим антисоветским связям".

Кроме упомянутых документов, на основании которых осуществлялись массовые репрессии в 40-е годы, существовала также практика обращения местных руководителей лично к Сталину, в ЦК ВКП(б) с просьбой о репрессиях в отношении определенных групп населения. Например, первый секретарь ЦК Компартии Армении Арутюнов 25 марта 1949 г. в письме, адресованном Сталину, сообщал, что в республике скапливаются лица с антисоветскими взглядами, которые создают возможность для активной подрывной работы в республике. В частности, он сообщил, что в Армении находится 11 170 человек, учтенных как находившиеся в немецком плену и подвергшиеся фашистской обработке. В связи с этим ЦК Компартии Армении просил разрешения в упрощенном порядке арестовать из этого контингента 2500 человек с высылкой их в отдаленные районы Советского Союза. Эта просьба была удовлетворена.

Придавленные произволом бывшие военнопленные и репатрианты надеялись найти защиту в центральных органах власти, полагая, что попрание существовавших законов лишь дело рук местных органов власти и хозяйственников.

В конце 1949 г. в Управление уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации поступило множество писем. Так, Тарасов М.С. из Ленинградской области, находившийся в немецком плену с июля 1942 по 1945 г., после "госпроверки" вернулся в город Красное Село, где работал заведующим книжным магазином, женился. Жена работала вторым секретарем райкома комсомола. В декабре 1949 г. жену освободили от работы в райкоме комсомола потому, что ее муж находился в плену. Районный комитет партии предложил освободить и его от работы заведующим магазином по тем же мотивам. В районном комитете партии жене предложили расторгнуть брак с М.С. Тарасовым, так как в противном случае путь к ее дальнейшему росту и продвижению по службе будет закрыт.

Н.А. Ахметов из Узбекистана писал:

"Я во время Отечественной войны 1941 г., в связи с ранением оставшись в окружении в составе дивизии, попал в плен и в 1944 г. войсками Советской Армии был освобожден из лагеря и опять начал служить в Советской Армии. В 1947 г. демобилизовался, начал работать бухгалтером райконторы связи. Отработал около 3-х лет. По работе не имею никакого замечания, кроме хорошего. В настоящее время второй секретарь райкома партии ВКП(б) требует снять с работы без всякой причины за то, что с 1941 по 1944 г. находился в плену".

Бывший военнопленный Лысов работал на заводе "Главуглсмаш" Тульской области молотобойцем. В октябре 1948 г., как хорошего работника, назначили нормировщиком кузнечного цеха. В 1949 г. с работы снят, а вместо объяснения его начальник заявил ему: "Сволочь, негодяй, мерзавец, выгоню! Не забывай, где ты есть и кто ты есть!".

31 января 1950 г. генерал-полковник Голиков обратился со специальным письмом в ЦК ВКП(б) в связи с тем, что "поступает значительное количество жалоб от репатрированных советских граждан о том, что им не дают работы, а некоторых, уже работающих, снимают с работы якобы по тем мотивам, что они ранее находились в плену в Германии".

В это же самое время, в начале 1950 г., в ЦК ВКП(б) поступила докладная записка

от Главного управления кадров Вооруженных Сил о бесправном положении бывших военнопленных офицеров. В этом документе, в частности, сообщалось о конкретных фактах попрания всех законов, определяющих даже ограниченные права бывших военнопленных и, в частности, о том, что для бывших военнопленных Генштабом вооруженных сил был сформирован отдельный инженерный батальон, который работал на восстановлении ДнепроГЭСа. Бывшие военнопленные, из которых был незаконно сформирован этот батальон, находились на положении заключенных. Они не получали паспортов даже после отбытия срока наказания. А многие, как, например, находившиеся в специальных частях в Донбассе, не получали и заработную плату. В этой докладной записке сообщалось, что все, изложенное в письмах, которые поступали в Министерство вооруженных сил, проверкой подтвердилось. В письме, направленном в ЦК ВКП(б), заместитель начальника Главного управления кадров генерал-лейтенант Кузовков делает вывод, раскрывая суть дела: "Если в настоящее время имеются факты, говорящие об ограничении прав бывших военнопленных офицеров, то это вытекает не из законодательства нашего государства и не из указаний МВС (Министерство Вооруженных Сил).

Можно предполагать, что жалобы вызваны неправильной практикой работы на местах по отношению к бывшим военнопленным со стороны некоторых уполномоченных МГБ".

Высокие военные чиновники знали всю правду о положении бывших военнопленных, но не смели сказать о нем прямо и открыто, поэтому в ЦК партии они и пишут об "искривлении" партийной линии местными партийно-советскими работниками, представителями МГБ.

В связи с многочисленными обращениями отдельных граждан и даже представителей Главного управления кадров Вооруженных Сил и Управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации 9 февраля 1950 г. Секретариатом ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия. Однако эти обращения остались без ответа. Спустя два года оба документа были направлены в архив без всякого решения.

В 1951 г. истек срок спецпоселения для "бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, попавших в плен к немцам и служивших в немецких строевых формированиях", и направленных на поселение в соответствии с постановлением ГКО от 18 августа 1945 г.

По предложению Политбюро ЦК ВКП(б) в октябре 1951 г. были приняты постановления Совета Министров СССР и Указ Президиума Верховного Совета СССР, которые предусматривали оставление на вечное поселение народов, депортированных из европейской части страны в Сибирь: до окончания промышленного и горно-капитального строительства оставлялись на спецпоселение также лица, которые работали на предприятиях, связанных с производством атомного и ракетного оружия.

Остальные поселенцы, общим числом более 105 тыс. человек, формально получили право вернуться к месту прежнего жительства с запрещением проживать в Москве, Ленинграде, Киеве, в запретных зонах, пограничной полосе и других режимных местностях, а также в Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской ССР и западных областях Украинской и Белорусской ССР. Большинство спецпоселенцев и были жителями тех мест, где им запрещалось проживать.

Но обман был не только в этом. Для реализации постановления Совета Министров СССР и Указа Верховного Совета был издан приказ МГБ, который предписывал органам МГБ осуществить все меры для того, чтобы закрепить контингент спецпоселенцев на тех стройках и предприятиях, на которых они работали до освобождения. Вместе с тем органы МГБ этим приказом обязывались внимательно рассмотреть учетные дела спецпоселенцев, подвергая их тщательной агентурной проверке, а при наличии в них компрометирующих материалов или в случае получения данных о преступной деятельности кого-либо из них в период войны, либо в настоящее время, арестовывать в установленном порядке и предавать суду.

Таким образом, в 1951 г. открылась новая волна репрессий в отношении бывших советских репатриантов – военнопленных и гражданских лиц.

Постановление ГКО от 18 августа 1945 г. о репрессиях в отношении репатриантов из Германии имело двусмысленную формулировку, определявшую категорию лиц, подлежащих наказанию: "Бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, попавших в плен к немцам и служивших в немецких строевых формированиях".

Строго говоря, эта формулировка должна была охватывать только тех военнопленных, которые служили в немецких строевых формированиях. Однако на деле – и этому давала основание двусмысленная формулировка, – репрессиям подвергались и те военнослужащие Красной Армии, которые попали в плен к немцам.

Такая уловка авторов Постановления имела определенную цель. Впоследствии стало ясно, что в Постановлении ГКО имелись в виду две группы военнослужащих: 1-я – те, кто попал в плен, и 2-я – те, кто, будучи в плену, поступили на службу в немецкие военные формирования. Обе эти группы военнослужащих подвергались наказанию согласно Постановлению ГКО от 18 августа 1945 г.

Спустя несколько лет, когда Указом Президиума Верховного Совета амнистировались лица, осужденные по этому постановлению, первоначально амнистия была объявлена лицам, служившим в немецких военных формированиях, и только год спустя тем, кто был осужден за пребывание в плену.

В ряде писем и заявлений граждан России и СНГ – бывших советских репатриантов – указывается на то, что в конце 1951 – начале 1952 г. они были арестованы и необоснованно репрессированы как немецкие пособники на основании "свидетельских показаний" и заявлений различных лиц. Следует сказать, что приказ МГБ от октября 1951 г. об усилении репрессий бывших военнопленных неуклонно исполнялся в течение нескольких лет, в том числе и после 1953 г.

Особенно жестокие и суровые меры наказания обрушились на советских репатриантов – представителей различных национальностей, а также бывших военнопленных и гражданских лиц, виновных в том, что освобождение их из плена было осуществлено войсками союзников. Этим людям обвиняли в шпионаже, именовали агентурой англо-американских разведок.

VI. ПОЛИТИКА РЕЖИМА К БЫВШИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ И РЕПАТРИАНТАМ ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

Мало изменила положение бывших военнопленных и репатриированных лиц и смерть Сталина.

В марте 1954 г. была создана специальная комиссия, которой было поручено подготовить вопрос о снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев.

Спустя некоторое время она направила Маленкову и Хрущеву свои предложения, в которых, в частности, отмечалось, что в подавляющем большинстве спецпоселенцы лично не совершили никакого преступления перед государством. Однако предложения не соответствовали этому выводу.

Спецпоселенцам было разрешено передвижение в пределах того административного района, где они жили. Некоторые послабления были сделаны и в отношении изменения места жительства в пределах административного района, но также с разрешения органов МВД. Комиссия выразила нежелательность возвращения выселенцев в места своего прежнего обитания и предложила меры по закреплению их в тех районах, куда они были выселены. Закрепление спецпоселенцев, по мнению комиссии, "должно носить, по возможности, добровольный характер".

Таким образом, все осталось по-прежнему.

В конце 1954 г. председатель КГБ СССР Серов И.А. обратился с письмом в ЦК КПСС, в котором предложил программу организации пропаганды за возвращение советских граждан, оставшихся после второй мировой войны в Западной Европе.

"В целях создания благоприятных условий для работы... по разложению главарей антисоветской эмиграции и организации репатриации перемещенных советских граждан" Серов предлагал Указом Президиума Верховного Совета СССР объявить амнистию "перемещенным лицам", в том числе служившим в различных немецких формированиях, в административных и прочих учреждениях, существовавших на оккупированной территории. В начале января 1955 г. эти предложения были одобрены Президиумом ЦК КПСС.

Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.", был принят 17 сентября 1955 г. В отличие от первоначального проекта, он распространялся и на тех лиц, которые находились на территории Советского Союза. Этим указом освобождались из мест заключения и от других видов наказания лица, осужденные на срок до 10 лет лишения свободы включительно за совершенные в 1941–1945 гг. преступления, которые соответствующие статьи Уголовного кодекса формулировали как измена родине, сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или его отдельными представителями, шпионаж, антисоветская агитация или пропаганда, недоносительство и др. Лицам, осужденным за те же преступления на срок свыше 10 лет, срок наказания сокращался на половину.

Из мест заключения должны были вернуться лица, осужденные за службу в немецкой армии, полиции, специальных немецких формированиях, независимо от срока наказания. Освобождались также от дальнейшего отбывания наказания лица, направленные за эти преступления в ссылку и высылку. Предлагалось снять судимости и поражения в правах с лиц, освобожденных от наказания по этому указу, и с лиц, судимых ранее и отбывших наказание за указанные выше преступления.

Кроме того, Указ предусматривал освобождение от ответственности находящихся за границей советских граждан, которые во время войны сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях, а также тех, кто занимал во время войны руководящие должности в полиции, жандармерии и [органах] пропаганды при условии, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью и явились с повинной. Явка с повинной рассматривалась как смягчающее обстоятельство и в отношении тех, кто совершил тяжкие преступления. В этих случаях наказание не должно было превышать пять лет ссылки.

Указ предусматривал освобождение от ответственности и тех лиц, которые были виновны в совершении воинских преступлений, в случае явки с повинной судебное расследование должно было проводиться без ареста обвиняемых.

Принятие Указа и данных Министерством юстиции СССР разъяснений, касающихся бывших военнопленных, находившихся вне пределов Советского Союза, всколыхнуло советских репатриантов – как бывших военнопленных, так и гражданских лиц. В партийно-государственные органы начали поступать их многочисленные обращения, в которых репатрианты, сообщая о своих злоключениях, требовали восстановления справедливости.

19 апреля 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о создании Комиссии под руководством Г.К. Жукова, которой поручалось разобраться с положением вернувшихся из плена военнослужащих Советской Армии. Спустя месяц комиссия представила убедительный документ, свидетельствующий о правовом беспределе, беззаконии, которое было проявлено к военнослужащим, вернувшимся из плена.

По данным этой комиссии, всего через рабочие батальоны НКО прошло 660 тыс. бывших военнопленных. Число военнообязанных из гражданских репатриантов не указывалось. Всего же за 1945–1953 гг. через рабочие батальоны, через эту страшную машину, ни в чем не уступающую ГУЛАГу, прошло не менее 1,5 млн. советских репатриантов, бывших военнопленных и военнообязанных, в подавляющем большинстве ни в чем не повинных людей.

Комиссия предлагала:

- принять постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, осуждающее практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника;

- распространить действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. об амнистии на бывших советских военнослужащих, осужденных за сдачу в плен;

- при пересмотре военных дел на бывших военнопленных выявить и реабилитировать тех из них, кто попал в плен в условиях, вызванных боевой обстановкой и необоснованно осужденных за то, что, будучи в лагерях, они выполняли административно-хозяйственные функции по обслуживанию бытовых нужд самих военнопленных;

- рассмотреть дела о партийной принадлежности бывших военнопленных, исключенных из партии в связи с пребыванием в плену;

- в необходимых случаях восстановить в офицерских званиях бывших военнопленных советских офицеров, лишенных воинских званий во внесудебном порядке.

29 июня 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС было принято секретное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов семей". Предложения Комиссии Г.К. Жукова легли в основу этого постановления.

Но, признав, что подавляющее большинство советских военнослужащих попало в плен ввиду невозможности дальнейшего сопротивления, что исключало их преследование даже на основе законодательства того времени, авторы постановления не смогли или не захотели пойти дальше применения амнистии по отношению к попавшим в плен и индивидуальной реабилитации тех из них, кто мог найти доказательства вынужденной сдачи в плен. (Кстати, презумпция невиновности требовала, чтобы бремя доказательства преступления, в данном случае добровольной сдачи в плен или переход на сторону врага, органы правосудия брали на себя.)

В постановлении ни слова не говорилось о реабилитации членов семей советских военнопленных, испытывавших на себе все виды репрессий: моральных, экономических, политических.

В постановлении полностью обойдены проблемы военнообязанных из числа гражданских репатриантов, прошедших через каторгу проверочных лагерей и "рабочих батальонов", закрепленных после окончания "проверки" в постоянных кадрах предприятий.

Но и это постановление претворялось в жизнь с большим трудом. 10 августа 1956 г. в ЦК КПСС обратились руководители отдела административных органов ЦК и Генеральный прокурор СССР Руденко. Они высказали мнение о нецелесообразности издания специального Указа Президиума Верховного Совета СССР о распространении Указа от 17 сентября 1955 г. об амнистии на бывших военнослужащих Советской Армии и Флота, осужденных за сдачу в плен противнику. По их мнению, это было бы актом дополнительной амнистии. Поэтому они предлагали ограничиться изданием разъяснения Президиума Верховного Совета по этому вопросу, что и было сделано 18 сентября 1956 г.

Таким образом, руководители советской власти и тут пошли на полумеры, сделали все возможное, чтобы объявить амнистию как можно с меньшей оглаской.

Это самое большое, на что пошло советское правительство, восстанавливая права бывших военнопленных, подвергшихся жестоким репрессиям. Все милосердие власти ограничилось тем, что бывших военнопленных уравнивали с участниками немецких военных формирований, полицейскими и карателями, которых амнистировали раньше, в 1955 г. И только спустя год эту амнистию распространили на бывших военнопленных, которые не совершили никаких преступных действий. И их амнистировали, как и "власовцев", но только позднее.

С тех пор власть не считала нужным обращаться к этим проблемам, полагая их исчерпанными амнистией 1956 г., хотя, как и прежде, не были восстановлены в полной

мере гражданские права бывших военнопленных и репатриированных лиц, не сняты ограничения в их общественной деятельности, в приеме на работу в определенные ведомства и др.

Как и прежде, сама проблема военнопленных и репатриированных лиц, их судьба, массовые репрессии, которым они подвергались, плотно замалчивались, как будто этот проблем и ликвидации их последствий не существовало. Не было ничего сделано, чтобы облегчить участь бывших военнопленных.

Между тем многие бывшие военнопленные были лишены льгот, которые полагались участникам войны, они лишались военной инвалидности, их вычеркивали из числа тех, кто участвовал в достижении Победы. Ни на одном из широко праздновавшихся юбилеев окончания войны, ни у одного из высоких докладчиков не нашлось слов о тех солдатах и офицерах Советской Армии, которые, защищая Родину, в силу сложившейся военной обстановки, оказались во вражеском плену. На юбилее, посвященном 45-летию окончания войны, было справедливо упомянуто о вкладе в достижение Победы узников ГУЛАГа. Однако о сотнях тысячах воинов Красной Армии, попавших в плен, не было сказано ни одного слова как о полноправных участниках Великой Победы над фашизмом.

VI. ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Изучение документов и материалов, относящихся к процессам репатриации, проверки и фильтрации советских граждан (1941–1956 гг.), позволяет сделать вывод, что действия партийно-государственного руководства СССР носили по отношению к репатриантам характер необоснованных политических репрессий, которым подверглись все без исключения бывшие военнопленные, все взрослые гражданские репатрианты, а также все обнаруженные на освобожденной от противника территории советские военнослужащие – "окруженцы", за исключением тех, кто поступил на службу в немецкие вооруженные силы, в полицию, карательные и разведывательные органы Германии.

Исходя из этого предлагается: признать незаконными, противоречащими основным гражданским правам, массовые политические репрессии, действия партийно-государственного руководства бывшего СССР в отношении советских военнопленных, обнаруженных на освобожденной от противника территории военнослужащих Красной Армии и Военно-Морского Флота, равно как и перешедших линию фронта со стороны противника; депортированных немецкими властями на работы в Германию и оккупированные ею страны гражданских лиц, совершенные в процессе их репатриации и политической проверки в 1941–1956 гг., за исключением подпадающих под действие статьи четвертой Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий".

В связи с этим внести необходимые изменения и дополнения в Закон Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий", а именно о признании жертвами политических репрессий советских репатриантов, необоснованно осужденных, подвергшихся многократной и многолетней политической проверке с насильственным привлечением к принудительному труду и лишением иных прав и свобод, с унижением их человеческого достоинства в сборно-пересыльных, специальных, проверочно-фильтрационных лагерях и проверочно-фильтрационных пунктах, в специальных запасных воинских частях и соединениях, обращенных на формирование "штурмовых батальонов" и "рабочих батальонов" НКВД СССР, закрепленных после проверки на неопределенный срок в кадрах промышленных предприятий и поставленных на специальный учет в органах НКВД–НКГБ–МВД–МГБ–КГБ по месту жительства, а также о признании родственников указанных лиц – пострадавшими от политических репрессий.

2. Многие бывшие советские военнопленные и гражданские репатрианты из числа депортированных немецкими оккупационными властями, были необоснованно осужде-

ны в судебном или внесудебном порядке к лишению свободы, ссылке и высылке, на основании статей УК РСФСР, предусмотренных разделом "Преступления государственных".

В 1956 г. в процессе реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии лиц, осужденных за пребывание в плену, в отдельных лагерях работали специальные комиссии, которые рассматривали дела подлежащих амнистии и при этом переквалифицировали статью раздела "Государственные преступления" на соответствующие статьи раздела УК - "Военные преступления".

В свое время эти лица были подвергнуты политическим репрессиям, они отбыли срок заключения за политические преступления, а теперь у них на руках документы, утверждающие, что они сидели в лагере за служебные проступки. Следовательно, они не считаются жертвами политических репрессий и не могут пользоваться льготами, установленными для них.

Представляется целесообразным – поручить Генеральной Прокуратуре Российской Федерации осуществить пересмотр архивно-следственных дел и реабилитацию указанных категорий бывших советских граждан, с учетом действия статьи четвертой Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий".

3. До 50% бывших советских военнопленных являлись военнослужащими приграничных частей и соединений Красной Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск НКВД, военно-строительных частей, которые испытали на себе военные поражения первых месяцев войны. По различным причинам – утрата списков личного состава, ошибка в наименовании места службы и пр. – многие бывшие советские военнопленные до сих пор не признаны участниками Великой Отечественной войны, хотя они принимали участие в боевых действиях по защите Родины в особо тяжелых условиях – в окружении противника.

По некоторым данным до 10% бывших военнопленных до сих пор не признаны участниками войны. Многие из бывших военнопленных, имеющих боевые награды, и сегодня не могут получить свои неотъемлемые права как участники Великой Отечественной войны, не могут даже называться ее участниками. Таким образом, многие бывшие военнопленные, большинство которых давно перешагнуло 70-летний рубеж, не пользуются никакими льготами, положенными участникам войны.

Представляется целесообразным поручить Министерству Обороны Российской Федерации выдать бывшим советским военнопленным, до сих пор не признанным участниками Великой Отечественной войны, соответствующие постоянные удостоверения на основании имеющихся у них архивных справок, справок о прохождении проверки и фильтрации, записей в военных билетах и учетных карточках о пребывании в плену и других документов.

4. Многие советские военнослужащие попали в плен, будучи ранеными, истощенными, больными, контужеными. Многие из них, получив военные травмы и заболевания, лечились в лагерных лазаретах, госпиталях для советских военнопленных у пленных советских врачей, иногда – у немецких врачей. При всем желании они не могли получить после лечения соответствующих справок. Эта категория бывших советских военнопленных, получивших военные травмы и заболевания либо непосредственно перед пленением, либо во время пребывания в плену, до сих пор не признана инвалидами Великой Отечественной войны.

Военнослужащие, получившие увечье в плену, должны быть признаны инвалидами войны. Более того, ими должны признаваться и те, кто получает инвалидность спустя полвека после участия в боях, так как для многих из них это результат фронтового ранения или иных военных последствий.

Между тем соответствующие организации отказываются рассматривать обращение бывших военнопленных на том основании, что они не могут представить документы из госпиталя, подтверждающие, что ранение было получено в боях. По некоторым данным, до 40% бывших военнопленных получили отказы на установление военной инвалидности вследствие военных травм.

Представляется целесообразным – поручить Министерству социальной защиты Российской Федерации установить инвалидам вследствие общего заболевания из числа лиц, находившихся в плену и получивших военные травмы и заболевания перед пленением или во время пребывания в плену (за исключением подпадающих под действие статьи четвертой Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий"), инвалидность вследствие военной травмы или заболевания, на основании упомянутых в пункте третьем документов, подтверждающих сроки пребывания в плену и состояние здоровья в процессе репатриации.

5. Подавляющее большинство советских военнопленных за время нахождения в плену привлекалось в принудительном порядке к работам в промышленности и сельском хозяйстве Германии, испытывая при этом не меньшие трудности, чем выпавшие на долю "остарбайтеров" – депортированного гражданского населения оккупированных областей СССР.

Представляется целесообразным – поручить Министерству социальной защиты Российской Федерации распространить на бывших советских военнопленных положения о выплате денежной компенсации, перечисленной правительством Федеративной Республики Германия.

6. В процессе изучения причин и характера массовых необоснованных политических репрессий в отношении советских репатриантов – бывших военнопленных и депортированного гражданского населения (1941–1956 гг.), были выявлены и проанализированы документы и материалы, хранящиеся в Архиве Президента РФ, Государственном архиве РФ, Центре хранения современной документации РФ, Центральном архиве МО РФ, Архиве Генерального штаба ВС РФ, Центральном архиве ФСБ РФ, Центральном архиве МВД РФ.

Выявлено более 1500 уникальных по своей научной ценности документов, позволивших объективно отобразить события и в полной мере представить себе объем и механизм судебных, внесудебных и административных репрессий, развязанных партийно-государственным руководством СССР в отношении советских репатриантов.

По итогам изучения документов и материалов составлена справка "О массовых политических репрессиях в отношении военнопленных и депортированных граждан".

Представляется целесообразным – поручить Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий опубликовать заключение Комиссии о массовых необоснованных политических репрессиях в отношении советских репатриантов, а также имеющиеся в ее распоряжении документы и материалы по истории массовых необоснованных политических репрессий в отношении советских репатриантов.